

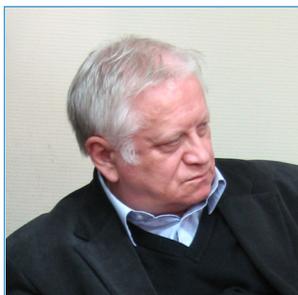
К методологии научных исследований

Гражданское и политическое в российских общественных практиках: перспектива институциональной дифференциации

Павлова Тамара Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИС РАН

E-mail: tamarapavlova@mail.ru

Патрушев Сергей Викторович – кандидат исторических наук, заведующий отделом сравнительных политических исследований Центра политологии и политической социологии ИС РАН

E-mail: svp@comtv.ru

Филиппова Людмила Евгеньевна – кандидат политических наук, научный сотрудник ИС РАН

E-mail: ludmila_filippova@hotmail.com

Гражданское и политическое в российских общественных практиках: перспектива институциональной дифференциации¹

Аннотация

Согласно теории, «гражданское конституируется благодаря солидарности и другим гражданским ценностям, а «политическое» предполагает деление на «своих» и «чужих»; их объединяет общий моральный порядок. В России нет политического пространства для выработки гражданами и государством стратегических целей, решений, правил и процедур как основы социетальной интеграции, оно замещено властным пространством, кликократическим по структуре и содержанию взаимодействий.

Abstract

In theoretical context it is assumed that the “civic” is made possible by solidarity and other civic values. The “political” runs counter to it by dividing the electorate into friends and foes. In Russia there is no political space where citizens and the state can decide on strategic goals, rules and procedures to achieve social integration. It is substituted by the power space where power cliques exercise control over the structure and contents of interaction.

Ключевые слова: гражданское общество, политическое пространство, моральный порядок, законоправие, власть, дифференциация практики, кликократия

Keywords: civil society, political space, moral order, rule of law, power, differentiation practices, cliquecracy

¹ В статье представлены основные результаты первого этапа реализации исследовательского проекта отдела сравнительных политических исследований ИС РАН (грант РГНФ №11-03-00739а). Использованы научные разработки А. Д. Хлопина (1946–2011), подготовленные в рамках данного исследования.

Российская социальная реальность организована в виде особой институциональной среды, которая по целому ряду принципов своего устройства весьма отличается от современного гражданского общества. В России наблюдается сосуществование разнонаправленных тенденций:

- социетальной дезинтеграции макросреды наряду с социальной интеграцией микросред, сходных с кликами;
- рассогласование между средовой потребностью граждан и институциональной структурой, формально предназначенной для её удовлетворения;
- разрыв между формальными правилами и реальными практиками с учётом этих правил¹.

Конкурентный способ взаимодействия между формальными и неформальными институтами обусловлен патримониальным господством-подчинением, которое, не будучи легальным, остаётся легитимным в виду высокой практической значимости личных связей в качестве наиболее приемлемых средств не только защиты гражданских прав, но и устранения конфликтов с властями.

Современное общество предполагает наличие самостоятельной сферы политического, автономной от других сфер общественной жизни. Тезисы об автономии политического и его специфике наиболее глубоко разрабатывали Карл Шмитт и Хана Арентс, к работам которых обращаются практически все исследователи политики.

Российский социум клик не может быть пространством для развёртывания собственно политических позиций, предполагающих согласование, «увязывание» социальных идентичностей. Не формируются коллективные (политические) идентичности, не дифференцируются социальные группы по политическим основаниям (не происходит «группирования, ориентирующегося на серьёзный оборот дела», в терминологии К. Шмитта). Проблематично становление любых политических образований, например, партий, движений и идейных течений. Процесс политического согласования заменяется иными, прежде всего административными, властно-силовыми процессами, которые, в свою очередь, затрудняют попытки структурирования и институционализации политического пространства.

Незащищённость гражданских прав стимулирует воспроизводство неформальных, личных отношений в частной жизни и одновременно направляет их экспансию в публичную сферу. Следствием является деинституционализация политического, подмена его социальным. Возникает проблема дифференциации социального пространства от политического, интерпретируемого как сфера взаимоотношений и комму-

¹ Об особенностях российской институциональной среды (см.: [1, с. 276–279]).

Конкурентный способ взаимодействия между формальными и неформальными институтами обусловлен патримониальным господством-подчинением, которое, не будучи легальным, остаётся легитимным в виду высокой практической значимости личных связей в качестве наиболее приемлемых средств не только защиты гражданских прав, но и устранения конфликтов с властями.

Незащищённость гражданских прав стимулирует воспроизводство неформальных, личных отношений в частной жизни и одновременно направляет их экспансию в публичную сферу. Следствием является деинституционализация политического, подмена его социальным.

никации граждан, а также граждан и государства с целью согласования и реализации общественных, коллективных и частных интересов.

Проводившиеся нами исследования российского политического порядка позволили прийти к выводу, что в современной России отсутствует свойственная обществам современного типа дифференцированная сфера политики – сфера артикуляции и согласования интересов и ценностей различных общественных групп через посредство партий, социальных движений и других институтов с тем, чтобы сформулировать общезначимые цели и реализовать политические действия для их достижения (см.: [2]). Пока точнее говорить о властном пространстве, которое уже не является социумом власти *par excellence*, но ещё не стало полем политики. Устройство российской власти в данном контексте не соответствует модели современного политического порядка, в частности, не выдерживает проверки по современным критериям легитимности (см.: [3, с. 42–51]), и может быть охарактеризовано как кликократия.

Моральный порядок

Исходным пунктом исследования институциональной дифференциации общественных практик является реконструкция того, что Ч. Тейлор называет «социальным воображаемым», – представлений людей об идеях и нормативных образцах, на которых основаны их взаимоотношения с другими людьми и, в целом, их существование в социуме [4]. Эти глубинные, часто не эксплицируемые представления об устройстве и «работе» социума делают возможными социальные практики и ими же подкрепляются. Вслед за Тейлором мы используем категорию «морального порядка» для обозначения основы социальных взаимодействий; «моральный порядок» представляет собой «нечто большее, чем элементарное осознание норм, оформляющих нашу социальную практику, являющихся частью непосредственного знания, делающего саму эту практику возможной»; он включает в себя и знание о наличном, фактическом «порядке вещей», и представление о том, как «всё должно быть и какие неверные шаги могут дискредитировать общую практику» [4]. Иными словами, «моральный порядок», с одной стороны, фиксирует наличное, актуальное состояние общества, а с другой – содержит представления о должном (или желаемом) состоянии.

На существовании этого общего для всех «морального порядка» основываются ожидания, с которыми люди вступают в отношения с другими людьми; предположение о том, что есть нормы и правила, разделяемые нашими контрагентами, дела-

Устройство российской власти не соответствует модели современного политического порядка, в частности, не выдерживает проверки по современным критериям легитимности, и может быть охарактеризовано как кликократия.

«Моральный порядок», с одной стороны, фиксирует наличное, актуальное состояние общества, а с другой – содержит представления о должном (или желаемом) состоянии.

ющие коммуникацию предсказуемой. «Моральный порядок» служит основанием «карты» социального пространства – видения того, с какими людьми, каким образом и по поводу чего человек может и должен взаимодействовать. Отношения между «моральным порядком» и социальными практиками, как уже было отмечено, двойственные: представления, идеи и образцы, составляющие «моральный порядок», лежат в основе практик, но они и создаются в практиках, эволюционируют и трансформируются под их воздействием. Таким образом, «моральный порядок», делая возможным существование человека в социуме, одновременно служит индикатором состояния социума.

Анализ «морального порядка» возможен по следующим его характеристикам:

1. В какой степени «глубинные нормативные идеи» *осознаются* людьми;

2. Являются ли они *общепринятыми*, а основанные на них ожидания – *взаимными*;

3. Являются ли нормы *реализуемыми* (поскольку именно принципиальная возможность реализации норм делает возможной социальную практику).

Можно предположить, что современному типу общества соответствует определённый тип «морального порядка», предъявляющий себя во взаимодействиях между людьми / группами во всех сферах общественной жизни. Его необходимыми элементами являются доверие, уважение к другому, солидарность, реципрокность (взаимное признание прав); ценности равенства, свободы и справедливости. Для фиксации основных характеристик социума, в основе которого лежит такой «моральный порядок», можно использовать категорию «законоправия».

Имеется в виду, что во взаимодействиях между членами такого социума по самым разным поводам имплицитным является взаимное признание ими равенства в правовом смысле и понимание того, что их гражданские, политические, социальные и прочие права гарантированы и обеспечены (государством). Законоправие подразумевает также готовность «быстро реагировать» на любое ущемление прав (не только собственных, но и ущемление прав любого согражданина) – т. е. «моральному порядку» должна соответствовать оценка нарушения принципов «законоправия» как события, явно выбивающегося из «нормального порядка вещей». Установление «морального порядка», как сущностно, так и процедурно, предшествует законодательному регулированию общественных практик; следовательно, его изменение является первым этапом трансформации институциональной среды.

Для фиксации основных характеристик социума, в основе которого лежит «моральный порядок», можно использовать категорию «законоправия».

Публичное пространство

С утверждением законоправия в качестве основополагающего принципа политического порядка происходит институционализация обособленности публичной сферы от частной, образуется пространство частной жизни, защищённое гражданскими правами и ограниченное общественными обязанностями индивида. Перед индивидом открыта возможность принять на себя обязанности, предписанные его публичными ролями, в обмен на защиту со стороны социальных институтов его гражданских прав (на собственность, частную инициативу, деятельное участие в политике и т. д.). Независимо от статусных различий сочетание этих прав и обязанностей всегда носит формальный, внеличный характер и потому даёт каждому гражданину самостоятельность в установлении повседневных связей с обществом, позволяя в то же время сохранять известную дистанцию от него. Так образуется пространство частной жизни, защищённое гражданскими правами и ограниченное публичными обязанностями индивида.

Согласно политологической традиции, восходящей к Х. Арендт, политическое пространство рассматривается в первую очередь как *публичное*. Согласно Арендт, публичная сфера (существующая не во всех обществах – в этом смысле уровень развития публичной сферы можно считать показателем принадлежности к обществу Модерна) целенаправленно формируется активной деятельностью людей как пространство, в котором они достигают своей подлинной свободы, реализуют политическое действие – поступок свободного гражданина и создают особую политическую *целостность* (см.: [5, с. 64]).

Публичная сфера в концепции Арендт характеризуется прозрачностью, открытостью, гласностью и связана с «объективным», то есть «предметным отношением к другим» (см.: [6, с. 88]), в отличие от сферы частного, приватного, которой свойственны закрытость, отсутствие других, причастность только к данному человеку.

В процессе коммуникации людей в публичном политическом пространстве возникает некая множественность (плюральность) позиций, находящихся в отношениях «состязательной солидарности» («агонизма») (см.: [5, с. 74]). В этом, собственно, и состоит специфика политического у Арендт – коммуникация между людьми в публичном пространстве, соотнесение рациональных аргументов в ходе обсуждения общих проблем, рассмотрение проблем в «предельном различии».

Поль Рикер, развивая понимание политического Ханной Арендт, связанного с формированием особого публичного пространства свободы, вводит понятие «этического политиче-

ского». Рикер подчеркивает важность для сферы политического не только действия как, согласно Арендт, начала чего-то нового, но – рефлексии с целью достижения фундаментального политического согласия, договора, лежащего в основе государства. Плюралистичность публичного пространства отражает *«желание жить вместе [курсив П. Рикера], присущее той или иной исторической общности: людей, нации, региона, класса и т. д., – не сводимое к межличностным отношениям»* [7, с. 47], которое структурируется политическими институтами. В политическом обществе, представляющем собой «единое целое, основанное на сотрудничестве», главной этической ценностью, по мнению Рикера, является справедливость, которая «благодаря своему распределяющему характеру несёт в себе элемент различения, сочленения, согласования, которого недостаёт понятию желания жить вместе» [7, с. 49].

Шанталь Муфф видит специфику политического в «измерении антагонизма, который может принимать различные формы и проявляться в разнообразных социальных отношениях» [8]. Именно через различение конструируются политические идентичности, «которые всегда суть идентичности коллективные, мы имеем дело с созданием категории “мы”», существующей «только благодаря отграничиванию от “них”» [9, с. 60]. Муфф различает «политическое» и «политику». Если «политическое» указывает на измерение антагонизма в социальных отношениях, то политика – это система практик, дискурса и институций, которые направлены «на установление определённого порядка и на организацию человеческого существования в условиях, которые всегда потенциально ведут к конфликту, так как затронуты областью “политического”» [9, с. 60].

Признание и легитимация конфликта являются характерной чертой демократического общества. Поэтому современная политика «требует, чтобы другие воспринимались не как враги, которые должны быть уничтожены, а как соперники, против идей которых можно бороться, даже отчаянно, но чьё право защищать эти идеи никогда не будет поставлено под вопрос. Другими словами, важно, чтобы данный конфликт принимал не форму антагонизма (схватки между врагами), а форму агонизма (борьбы соперников)» [9, с. 61]. Задача политики состоит в том, чтобы попытаться «разрядить потенциальный антагонизм в человеческих отношениях», способствуя формированию «политических форм идентификации вокруг ясно дифференцированных демократических позиций» [9, с. 61].

Для целей нашего анализа важными в приведённых подходах и оценках представляются идея автономии политического, понимание его как особой сферы человеческих отношений, связанной с выражением фундаментальных интересов и воли нации в целом, и как сферы дифференци-

ации, различения, формирования коллективных идентичностей. Противоречия и конфликты в отношениях между возникающими на данной основе социальными группами преодолеваются проведением политики, направленной на регулирование социальных взаимодействий и установление политического порядка.

Е. С. Алексеенкова и В. М. Сергеев описывают публичную сферу как «сферу суверенитета социальных норм, т. е. права, нормализованного диалога личности и государства, где ни индивид, ни государство не обладают абсолютным суверенитетом» [10]. В их модели индивид и государство выступают, в определённом смысле, как антагонисты. Каждый из них обладает своей «приватной сферой»: для индивида это пространство, в котором он «оказывается не связанным обязательствами действовать в рамках социальной нормы» (частная жизнь в её предельном воплощении); у государства «приватная сфера» возникает тогда, когда оно начинает действовать не на основании формальных институтов, а «посредством использования социальных сетей (информационных, и особенно – сетей влияния и сетей доверия) и неформальных норм взаимодействия», в качестве примеров «приватных сфер» государства приводятся спецслужбы и коррупционные сети. «Приватные сферы» есть даже у либеральных демократических государств, и им присуща тенденция к расширению; индивиду, соответственно, необходимо сопротивляться этому расширению, защищать свою «приватную сферу» от наступления государства. Публичная сфера и оказывается «средством защиты»: в ней происходит торг между индивидом и государством по поводу границ их «приватных сфер», легитимация суверенитета государства и суверенитета индивида.

Как публичная сфера политика является пространством, в котором люди действуют *сообща* для постановки и достижения *общих целей*. Другими словами, в политике формируется представление об «общем благе», стратегические цели для общества, и создаются условия для достижения этих целей. В современных обществах политическая сфера – это сфера институционального дизайна, где производятся условия, «рамки», «правила игры», в которых осуществляются общественные практики; в первую очередь – это система права, законодательство. Политическая сфера производит *универсальный порядок*, который становится легитимным. В этом смысле «политическое есть сфера коллективного единства людей... «Политическими» будут тогда отношения и действия людей или групп людей, которые имеют место *по поводу* этого единства, которые устанавливают границы этого единства или оспаривают их» [11, с. 13–14]. Здесь важно подчеркнуть, что единство – не исходный пункт, а результат политического: общество изначально не является единым, но становится

Как публичная сфера политика является пространством, в котором люди действуют сообща для постановки и достижения общих целей. В политике формируется представление об «общем благе», стратегические цели для общества, и создаются условия для достижения этих целей. В современных обществах политическая сфера – это сфера институционального дизайна.

такowym в результате всеобщего признания устанавливаемой в политической сфере законности. Признание легитимным порядка возможно тогда, когда легитимным является представление об «общем благе», общих целях; устанавливаемые законы не воспринимаются как навязанные извне ограничения, а становятся «продолжением граждан» [4].

Продуцируя единство, внутри себя политическое пространство является принципиально неоднородным, плюралистичным, его структурная особенность – наличие внутри него разделений (*cleavages*). Как отмечает Б. Капустин, «политическая гражданственность» не может быть «универсальной» [12, с. 140], политическое самоопределение всегда происходит *по отношению к кому-либо (чему-либо)*, оно основывается на противопоставлении идей, концепций, точек зрения. Согласно К. Шмитту, разделение на «своих» и «чужих» является сущностным признаком политики; «политическое» есть точка зрения на общество, основанная на различии между другом и врагом, с которым «в экстремальном случае возможны конфликты» [13, с. 292–293]. Шмитт подчёркивает, что «друг» и «враг» у него трактуются не «в частно-индивидуалистическом смысле, как выражение частных чувств и тенденций» [13, с. 294]. Враг в его концепции это только «публичный враг», то есть «борющаяся совокупность людей, противостоящая точно такой же совокупности» [13, с. 295]. Степень антагонизма борющихся групп может быть разной; важно то, что противоположность и антагонизм в трактовке Шмитта «конститутивны» для понятия политического (см.: [13, с. 301–302]).

«Политика и власть – это сфера идентификации и утверждения идентичности (лат. *idem* значит «один и тот же»): отождествления множества людей с одним или утверждения одного человека самому себе (но всегда через сравнение с другими, борьбу с ними за власть). То есть среди множества общественных отношений политика затрагивает отношения взаимной идентификации людей» [11, с. 136].

Естественное несовпадение мнений, интересов индивидов и групп делает политику потенциально высококонфликтной сферой. Однако в условиях «морального порядка», ядром которого является «законоправие», взаимодействия в политике, как и в других сферах, должны разворачиваться согласно общепризнанным «правилам игры», в соответствии с нормами общей реципрокности, т. е. взаимного признания прав. Соблюдению «правил игры» способствуют демократические институты (избирательная система, парламентаризм, судебная система и пр.). Разрешение противоречий посредством этих институтов переводится из области конфронтации в область диалога, переговоров, торга. Собственно, конкуренция в соответствии с «правилами игры» – ключевое отличие политического пространства от *властного*.

Несовпадение мнений, интересов индивидов и групп делает политику потенциально высококонфликтной сферой. Однако в условиях «морального порядка», ядром которого является «законоправие», взаимодействия в политике, как и в других сферах, должны разворачиваться согласно общепризнанным «правилам игры».

Вырабатывающиеся в результате решения, касающиеся жизни всего социума, становятся *обязательными* для всех, даже для тех, чьим частным интересам они могут не соответствовать. Таким образом, неоднородность политического пространства трансформируется в видимое неравенство. В нём обязательно будут «победители» и «проигравшие», а «общие цели», поскольку они возникают как результат «победы» одних групп и «проигрыша» других, оказываются в определённом смысле «принудительными». На этом этапе государство становится тем субъектом, задачей которого является контроль за соблюдением правового равенства и обеспечение обязательности принятых решений, т. е. в государстве общие цели должны стать не просто принудительными, но *легитимно принудительными*. Такая модель функционирования политической сферы соответствует модели коммуникационной власти Ю. Хабермаса: «В деятельности политической общественности встречаются и перекрещиваются два противоположных процесса: с одной стороны, коммуникативное *формирование легитимной власти*, которая рождается в свободном от всякой репрессивности процессе коммуникаций политической общественности, а с другой – такое *обеспечение легитимности* через политическую систему, с помощью которого административная власть пытается управлять политическими коммуникациями» [14, с. 49–50].

Таким образом, мы можем рассматривать политическую сферу как пространство взаимодействия между гражданами, а также между гражданами и государством, по поводу выработки общих целей и стратегических решений для общества. Возникающие в результате этих взаимодействий общие цели и ценности становятся основой для социетальной интеграции, т. е. интеграции общества на макроуровне. В обобщенном виде, отличительными признаками политического являются:

1. Выработка общих целей;
2. Легитимация социального порядка и социетальная интеграция;
3. Наличие расколов, идентификация по принципу «свой – чужой»;
4. Диалогичность и конкурентность.

Политическое и гражданское пространства

Дифференциация политического и гражданского пространств в рамках данной модели возможна по линии «законотворчества – законоприменения». Схожую мысль высказывает Б. Капустин, указывая на то, что «политическое» и «юридическое гражданство» соотносятся как производство и потре-

Отличительными признаками политического являются:

1. Выработка общих целей;
2. Легитимация социального порядка и социетальная интеграция;
3. Наличие расколов, идентификация по принципу «свой – чужой»;
4. Диалогичность и конкурентность.

ние: «"Политическое гражданство" производит (модифицирует или трансформирует) организацию социального пространства, тогда как "юридическое гражданство" потребляет его наличные институциональные формы и существует в их рамках *как данности*» [12, с. 128]. А «политическое гражданское общество как форма производства политической гражданственности есть не постоянный структурный компонент современного общества (наряду с государством или рынком), а возникающая и исчезающая характеристика способа его деятельностного самопреобразования» [12, с. 129]. Политическое пространство, согласно такому подходу, является пространством выработки общих целей и, соответственно, законов (законотворчество есть результат политической деятельности, т. е. деятельности по согласованию противоборствующих интересов, причём «согласование», как было отмечено выше, может означать как консенсусное, так и конфликтное взаимодействие). В гражданском обществе практики уже осуществляются в соответствии с законами, выработанными в политической сфере.

Дифференциация политического и гражданского пространств предполагает наличие между ними, во-первых, некоторых «границ», обнаружение которых и является одной из задач исследования. Подчеркнём, однако, что термин «границы» используется с некоторой долей условности, поскольку эти сферы ни теоретически, ни эмпирически не изолированы друг от друга, и особенно проблематичной представляется квалификация конкретных практик как гражданских либо политических. Принципиальное различие между гражданской и политической сферами заключается в том, что одним из определяющих принципов гражданского общества выступает *солидарность*, в то время как политическая сфера предполагает наличие расколов, деление на «своих» и «чужих». Несмотря на это, единство этих сфер обеспечивается наличием общего «морального порядка».

Условные «границы» между политическим и гражданским образуют «барьеры» и «каналы». «Барьеры», с одной стороны, должны предотвращать перенос в гражданское общество расколов, присущих политической сфере (т. е. во взаимоотношениях, разворачивающихся в гражданском обществе, любой контрагент – это прежде всего наш «со-гражданин», вне зависимости от того, разделяем ли мы его политические взгляды). С другой стороны, сообщества, формирующиеся в рамках гражданского общества на принципах специфической реципрокности, не должны воспроизводиться в политическом пространстве (т. е. политическая деятельность не должна направляться кликовыми или корпоративными интересами; «частные» цели, потенциально угрожающие выработке общих, должны блокироваться; вместе с тем меньшинства

должны иметь гарантию защиты своих прав, реализация которых не может быть поставлена в зависимость от «политической целесообразности»).

Вместе с тем, между гражданским и политическим пространствами должны существовать и определённые «каналы», позволяющие «политизировать» какие-то проблемы и потребности общества, т. е. выводить их из области «частных» на уровень «общих целей» (механизмы «голоса» в терминологии А. Хиршмана (см.: [15]).

Ценности и их реализация

Попытки приложить описанную теоретическую модель к анализу современной российской реальности показали значительную степень несовпадения между ними. Исследователи фиксируют разрыв между декларируемыми моральными принципами россиян и теми принципами, которыми они руководствуются в своей повседневной жизни; падение уровня социального доверия; восприятие свободы как вседозволенности и анархии; поверхностное принятие демократических ценностей, но отказ от воплощения их на практике. В рамках данного проекта нам представляется важным проанализировать содержание российского «морального порядка», выявить представления граждан о политическом и гражданском пространствах и оценить степень их дифференциации в сознании граждан и в социальных практиках.

В перечне ценностей, являющихся, по мнению респондентов пилотажного опроса¹, наиболее важными для будущего России, на первых местах оказались права человека (77%), закон и свобода (по 56%), равенство (55%), мораль (51%). Наименее важными опрошенные посчитали личный успех (10%) и выгоду (6%). Однако ответы респондентов на вопрос о том, какими ценностями они руководствуются в своих решениях и действиях, показывают иную картину. Хотя первые места и занимают такие ценности, как доверие, мораль и равенство, выгода оказывается на пятом месте с 44% и опережает, в частности, права человека (42%), закон (39%) и уважение к чужому мнению (28%). Таким образом, несмотря на то, что наличный моральный порядок не соответствует желаемому, респонденты действуют, во многом опираясь именно на этот наличный порядок, тем самым легитимируя его.

При этом 47% респондентов считают, что в России есть общепринятые моральные нормы, которые разделяются всеми, а 53% полагают, что таких норм нет. Только 12% опрошенных

¹ Опрос проведён в октябре 2011 г., объём выборки – 102 респондента, преимущественно молодёжь в возрасте до 20 лет, формат – 66 вопросов.

придерживаются мнения, что людей в современной России объединяют моральные нормы; ещё меньше, 9% респондентов, – что Конституция (ожидаемо, главными объединяющими факторами респонденты назвали историю, язык и культуру).

Самые частые ответы на вопрос «За что в современной России человек несёт моральную ответственность?» – «за благополучие семьи» и «за собственную жизнь» (82% и 75% соответственно; разрыв с третьим по частоте вариантом ответа – «за работу своего предприятия, учреждения» – 50 пунктов) Варианты «за действия окружающих людей», «за происходящие в стране события», «за деятельность своего правительства» показали, соответственно, 11%, 11% и 7%. Члены семьи, родственники, друзья, коллеги – т. е. представители ближайшего круга общения – являются для респондентов носителями общего с ними морального порядка, они «социально предсказуемы». Они и составляют, в конечном итоге, сообщества, основывающиеся на специфической реципрокности. Основ же для более широкой, социетальной интеграции, не обнаруживается. Это фиксируется самими респондентами.

На основе критериев гражданского общества и современной политической культуры нами выделены общности «граждан» и «политиков» (в качестве информационной базы использовались данные нашего обследования 2009 г., 987 респондентов). По мнению «политиков», для России характерно разобщение общества (с этим согласны 65% опрошенных и не согласны – 23%, ещё 12% не ответили). Позиция «граждан» менее однозначна: отмечают, что в России наблюдается разобщение общества 43%, не согласны с этим – 40%, и не ответили – 17%. Можно предположить, что «политики» воспринимают «общество» в политическом измерении. Они придают большее значение таким явлениям, как общественная активность, политический выбор, государственная власть, демократия. Поэтому, отмечая, что общественная активность падает (63% против 26%), что политический выбор стал однообразнее (76% против 17%), государственная власть усилилась (57% против 24%) и демократия свёртывается (71% против 16%), политики склонны считать, что консолидации вокруг ясно выраженных политических позиций не происходит, а потому общество воспринимается ими как разобщённое. В то же время «граждане», участвуя в повседневных взаимодействиях, ощущают большую тесноту социальных, персонализированных связей.

Особо важный элемент анализа морального порядка – определение того, какие ценности и нормы представляются людям *осуществимыми*. Выявление таких ценностей и норм позволило бы оценить трансформационный потенциал обще-

Члены семьи, родственники, друзья, коллеги – т. е. представители ближайшего круга общения – являются для респондентов носителями общего с ними морального порядка, они «социально предсказуемы». Они и составляют, в конечном итоге, сообщества, основывающиеся на специфической реципрокности. Основ же для более широкой, социетальной интеграции, не обнаруживается.

ственных практик (поскольку, по выражению Ч. Тейлора, «люди не выходят на улицу ради недостижимого и утопического»). Данные пилотажного обследования свидетельствуют о том, что молодые россияне не верят в реализуемость тех ценностей, которые они сами называют наиболее важными для будущего страны. Ответы на вопросы о том, в каком направлении будут изменяться ценностные основания российского общества в ближайшие годы, продемонстрировали преобладание числа социальных пессимистов над оптимистами. 66% респондентов считают, что в России в ближайшие годы станет меньше справедливости (станет больше – 6%); 63% – что станет меньше равенства (11%); 62% – меньше доверия (10%); 55% – меньше уважения к другому мнению (10%); 51% – меньше уважения к закону (15%) и, наконец, 41% – что станет меньше свободы (станет больше – 18% опрошенных).

Несмотря на то, что половина респондентов рассматривают активное участие граждан в политике как один из методов, который позволит сделать жизнь в России лучше, только четверть заявили о том, что они участвуют или готовы участвовать в политике для того, чтобы повлиять на выбор направления развития страны. В целом, можно говорить о том, что чёткого представления о том, что такое политика как специфическая сфера общественной активности, у россиян нет. В вопросе о том, означает ли «заниматься политикой» постановку и решение тех или иных проблем, наибольшую поддержку респондентов получили варианты ответов «Добиваться проведения честных выборов» (86%), «Выступать против платного образования» (74%), «Бороться за ориентацию бюджета города в пользу детсадов» (67%), «Требовать введения смертной казни» (65%). Интересно, что, по-видимому, больший масштаб проблемы может её в некоторой степени «политизировать»: так, вариант «Защищать ближайший сквер от вырубки» посчитали политикой 25% респондентов, а вариант «Спасать экологию озера Байкал» – 39%. То, что гражданская и политическая сферы слабо дифференцированы в сознании россиян, является отражением объективной ситуации – несформированности этих сфер в социальном пространстве. Вместе с тем, это делает проблематичной дальнейшую институциональную дифференциацию сфер политической и гражданской активности.

Власть – оппозиция

Важным является также выявление степени структурированности политического пространства, т. е. существующих внутри него разделений на противодействующие общности («свои» и «чужие»). Такие разделения, очевидно, есть, но можно предположить, что основаниями для них являются

Чёткого представления о том, что такое политика как специфическая сфера общественной активности, у россиян нет.

То, что гражданская и политическая сферы слабо дифференцированы в сознании россиян, является отражением объективной ситуации – несформированности этих сфер в социальном пространстве. Вместе с тем, это делает проблематичной дальнейшую институциональную дифференциацию сфер политической и гражданской активности.

не идеологии или альтернативные модели развития страны. Основное разделение в российском политическом пространстве проходит по линии поддержки действующей власти или оппозиции к ней.

Респонденты пилотажного опроса заявляют, что расхождения во взглядах на нынешнюю российскую власть не сказываются на их отношениях со знакомыми, друзьями, занимающими противоположную позицию (76% опрошенных против 14% тех, кто признал, что политические взгляды оказывают влияние на отношения с друзьями). 67% респондентов заявили, что им доводилось спорить с друзьями на политические темы, но отношения в результате этого не портились, 11% признали, что отношения ухудшались из-за споров на политические темы.

Однако косвенные вопросы выявили наличие у респондентов предвзятости по отношению к людям, придерживающимся противоположных политических взглядов. Так, например, 27% респондентов признались, что в случае необходимости объединения с другими людьми для решения каких-либо проблем, им будет сложно сотрудничать с теми, кто придерживается других политических взглядов. 62% респондентов не намерены участвовать в акциях, направленных на решение *социальных* проблем, если эти акции будут организованы политической партией, сторонниками которой они не являются.

Особенно показательно, на наш взгляд, то, что респонденты склонны приписывать людям личностные качества в зависимости от политической позиции последних. Ответы на вопросы «Как Вам кажется, честных (умных, развитых, с широким кругозором; равнодушных, заботящихся об окружающих, склонных учитывать их интересы; социально активных, готовых объединяться для решения общих задач, бороться за общее благо) людей больше среди тех, кто поддерживает нынешнюю власть, или среди её оппонентов?» демонстрируют зависимость от того, как респондент определил собственную позицию по отношению к действующей власти – как поддержку либо оппозицию.

Расхожий штамп «Политика – грязное дело», по-видимому, зачастую понимается нашими соотечественниками буквально. Политика представляется им сферой, в которой отдельные люди с сомнительными моральными принципами реализуют свои корыстные интересы. Активисты, занимающиеся решением сугубо неполитических проблем (экология, социальное обеспечение), нередко говорят о том, что их оппоненты пытаются использовать термины «политика», «политический» для дискредитации их деятельности, намекая тем самым на то, что гражданские активисты действуют не в общих, а в чьих-то частных интересах. Сама возможность такого словоупотребления свидетельствует о том, что большин-

Основное разделение в российском политическом пространстве проходит по линии поддержки действующей власти или оппозиции к ней.

ство людей не может чётко отделить гражданскую активность от политической. Более того, на наш взгляд, можно говорить о том, что в сознании людей любая общественная деятельность «политизируется».

Однако эта политизация отнюдь не базируется на понимании политики как сферы поиска «общих целей». Политика определяется через власть, но для «обывателя» это не то же самое, что хрестоматийное политологическое определение политики как «отношений по поводу власти». Здесь следует иметь в виду традиционно характерную для российского политического сознания персонификацию власти. Политика понимается как сфера (а) деятельности *властей* (не абстрактных государственных институтов, а конкретных облеченных властью людей с их частными, по преимуществу корыстными интересами) и (б) деятельности членов общества (отдельных людей, активистов, общественных организаций, политических партий) *по отношению к властям* (поддержки или сопротивления). По-видимому, такая «политизация» общественной активности также является показателем недифференцированности гражданской и политической сфер.

Таким же показателем является отношение граждан к партии власти, которое, как показал Г. Кертман, возникло уже в середине 1990-х гг. в контексте адаптации традиционалистской политической культуры к институциональным инновациям (см.: [16, с. 105–106]). Партия власти воспринимается гражданином не как одна из конкурирующих политических сил, борющихся за поддержку со стороны граждан, а как одна из сторон бинарной оппозиции «власть – народ». Это придаёт ей особый статус: представляя самодостаточный властный монолит, она не столько соперничает с иными партиями, сколько, в случае выборов, обращается к избирателям за «вотумом доверия». Соответственно, гражданин может продемонстрировать лояльность по отношению к партии власти, выразить ей «вотум недоверия» либо проигнорировать сами выборы. Решение о голосовании за «партию власти» в принципе не предполагает какой бы то ни было рефлексии по поводу альтернатив, представляемых иными партиями. Де-факто актуализируется советская традиция безальтернативного голосования как ритуала воспроизводства власти, участие в котором интерпретируется как «гражданский долг» избирателя или как его символический вклад в управление государством.

В условиях институциональной неопределённости «политическая борьба по правилам» превращается для многих в «гражданскую борьбу за правила» (ср. митинги в защиту 31-й статьи Конституции или за честные выборы). Участники и не участники массовых действий социально-экономической и политической направленности различаются более всего по

В сознании людей любая общественная деятельность «политизируется». По-видимому, такая «политизация» общественной активности также является показателем недифференцированности гражданской и политической сфер.

Партия власти воспринимается гражданином не как одна из конкурирующих политических сил, борющихся за поддержку со стороны граждан, а как одна из сторон бинарной оппозиции «власть – народ».

отношению к базовым гражданским добродетелям – свободе, равенству, уважению чужого мнения и доверию: для первых они приоритетны, для вторых – важны гораздо менее. Но для тех и других весьма значимы – видимо, вследствие их дефицита – закон, права человека и мораль.

В такой ситуации, естественно, речь не идёт о конкуренции между различными проектами «общего блага». Более того, когда государство не только не выполняет свою задачу обеспечения прав, но и расширяет зону действия неформальных правил, возникают ситуации, когда люди оказываются вынужденными действовать неправовыми способами, чтобы защитить свои права.

Вместе с тем сравнение предпочтений выделенных нами групп «политиков» и «граждан» свидетельствует о неких процессах дифференциации.

У «политиков» более сильная, чем у «граждан», установка на моральную ответственность за действия окружающих людей, за действия тех, с кем они сотрудничают, за деятельность своей общественной организации и намного более сильная установка на моральную ответственность за происходящие в стране события. Они превосходят «граждан» по всем показателям активности – от участия в выборах до акций политического, экономического и социального характера. Можно предположить, что у них более чёткое понимание того, с кем и каким образом они должны сотрудничать и какие действия должны предпринимать в интересах постановки и реализации целей для всего общества.

Однако, что при этом стоит за понятием политического? Воспринимается ли оно как сфера различения и согласования интересов общественных сил или как сфера, в которой цели общества формулируются властью, постулирующей своё «единение» с народом?

Данные пилотного опроса показывают наличие запросов на политическую конкуренцию и партийное представительство. Половина (50%) опрошенных считают, что конкуренция между различными политическими силами является более важной для современной России, чем их единство. Сторонников единства политических сил вдвое меньше – 23%, остальные затруднились ответить. На позицию респондентов влияет ряд факторов: пол, материальное положение, религиозность, тип мотивации гражданского и политического участия, отношение к действующей власти.

В условиях отсутствия реального политического плюрализма и конкурентной партийной системы преимущественное размежевание по линии «власть – оппозиция» дополняется расхождением в оценках моральных и гражданских качеств людей, поддерживающих нынешнюю власть, и людей, являющихся её оппонентами.

В условиях институциональной неопределённости «политическая борьба по правилам» превращается для многих в «гражданскую борьбу за правила».

Подведём итоги. Результаты, полученные на данном этапе исследования, показывают слабость процессов политической дифференциации в нашей стране, перспективы которых связаны со способностью людей к политической самоидентификации, что невозможно без возникновения современных партий и движений, реально представляющих различные интересы, и формирования самостоятельной сферы согласования этих интересов. Отсутствие таких предпосылок приводит к тому, что наблюдается воспроизводство кликового социума; расхождения по вопросу об отношении к действующей власти являются «структурообразующими», и именно сквозь их призму оцениваются общественные практики. Политическое пространство, присущее обществам современного типа, в России отсутствует и замещается *властным пространством*, кликократическим по своей структуре и содержанию взаимодействиям.

Библиографический список

1. Модернизация и политика в XXI веке. Отв. редактор Ю. С. Оганисян. М.: РОССПЭН, 2011.
2. Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / Отв. ред. С. В. Патрушев. М.: РОССПЭН, 2011.
3. Кокарев К. П. Легитимность институционального порядка // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / Отв. ред. С. В. Патрушев. М.: РОССПЭН, 2011.
4. Тейлор Ч. Что такое социальное воображаемое? // Неприкосновенный запас. 2010. № 1.
5. Арендт Х. Vita activa, или о деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000.
6. Человеческое и политическое: философия Ханны Арендт // Политическое как проблема: очерки политической философии XX века. М.: Идея-Пресс, 2009.
7. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. М.: АCADEMIA, 1995.
8. Mouffe, Ch. On the Political. Routledge, 2005.
9. Муфф Ш. Демократия в многополярном мире // Прогнозис. 2010. № 1.
10. Алексеенкова Е. С., Сергеев В. М. Тёмный колодец власти (о границе между частной сферой государства и частной сферой личности) // Полис. 2008. № 3.

Политическое пространство, присущее обществам современного типа, в России отсутствует и замещается властным пространством, кликократическим по своей структуре и содержанию взаимодействиям.

11. Магун А. В. Единство и одиночество: Курс политической философии Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
12. Капустин Б. Г. Гражданство и гражданское общество. М.: ИД ГУ–ВШЭ, 2011.
13. Шмит К. Понятие политического // Антология мировой политической мысли. В 5 тт. Т. 2. М.: Мысль, 1997.
14. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М.: Наука, 1992.
15. Хиршман А. О. Выход, голос и верность: Реакция на упадок фирм, организаций и государств. М.: Новое издательство, 2009.
16. Кертман Г. Л. Плебисцитарно-альтернативная модель электорального выбора // Российская политика в условиях избирательного цикла 2011-2012 гг. Всероссийская научная конференция (с международным участием). Тезисы докладов. Москва, 2–3 декабря 2011 г. М.: Российская ассоциация политической науки, 2011.